

ГЛАВА III. Тождество партии и личности (“Le Parti, c’est moi”)

Мы уже отметили, что тактика и практика революционного рабочего движения в условиях внутренней борьбы не отличаются от тактики и практики буржуазного правительства. Они похожи даже в терминологии – *reservatis reservandis*, – выбранной для описания борьбы с «неугодными». Те же упреки против бунтарей, тот же уровень аргументации в защиту сложившихся отношений: в одном случае – «сохранение государства», в другом – «сохранение партии». Одна и та же путаница в понятиях, касающихся дел и людей, индивида и коллектива. Авторитаризм официальных партийных представителей – неизбежное свойство любой жестко организованной системы. Авторитаризм немецкой социал-демократической партии во многом схож с авторитаризмом официальных представителей немецкого рейха. Здесь: Вильгельм II советует брюзгам отряхнуть пыль с ботинок и отправиться куда подальше, если им не нравится в Германии, в его империи. Там: Бебель грозит положить конец брюзжанию и разобраться с нарушителями спокойствия партии и заявляет, что оппозиция, если она не согласна с политикой партии, может отправляться на все четыре стороны[341]. В чем же разница в манере их поведения, за исключением разницы между добровольным (партийным) и принудительным (государственным) характером организации, то есть между организацией, в которую можно вступить, и организацией, в которой нужно родиться[342].

Вряд ли найдется видный партийный руководитель, который думает и ведет себя – а если он еще и искренен, то и выражается – иначе, чем «король-солнце». “Le Parti, c’est moi”[343]. Бюрократ полностью отождествляет себя с партией в целом, а свои интересы – с партийными. Любую объективную критику он принимает на свой счет. Поэтому почти ни один из партийных руководителей не способен объективно воспринять критику со стороны партийных оппонентов [344]. Он чувствует себя лично оскорбленным, отчасти искренне, отчасти умышленно. Но это помогает ему переместить поле сражения, предстать безобидной жертвой и, руководствуясь личной неприязнью, уничтожить репутацию предполагаемого противника перед лицом общественного мнения [345]. Если же руководитель подвергся личным обвинениям, его первая задача – перенести эти обвинения на партию в целом, не только из дипломатических соображений, но и чтобы заручиться поддержкой всей партии и победить врага количественным превосходством. Но дело также в том, что он наивно подменяет часть целым. Зачастую это результат не только слепого фанатизма, но и твердых убеждений. Согласно теории Нечаева, революционер имеет право эксплуатировать, предавать, обворовывать, в случае необходимости уничтожать своих

сторонников, которые не полностью разделяют его взгляды и убеждения, так как они лишь *chair a conspiracy*. Единственный критерий его суждений – величие его собственного миропонимания. “*La Revolution c’est moi!*” Бакунин безошибочно обнаружил источник подобных убеждений, отметив, что Нечаев, сам того не зная, страдал от ужасающего тщеславия[346].

Причины деспотизма лидеров кроются не только в презренной жажде власти и эгоизме, но зачастую и в искренней убежденности в собственной значимости для общего дела. Преданные своему долгу, осознающие его чиновники больше других склонны к деспотизму. Вольфганг Хайне пишет о царящих в немецкой социал-демократии взаимоотношениях между чувством “*L’Etat c’est moi*” и профессиональной компетентностью партийных служащих: «Никто не возражает против того, что неподкупность и усердие наших партийных товарищей, а также их любовь к нашей великой идее защитят нас от подобных последствий. Напротив, чиновники, которые знают свое дело, самоотверженно трудятся ради всеобщего блага (что мы имеем счастье наблюдать в партии), скорее всего, будут склонны, осознав собственные заслуги, воспринимать то, во что они верят, и то, что считают правильным, как непреложную норму. Они исключают любое отклонение от правил ради воображаемого успеха общего дела и тем самым препятствуют здоровому развитию партии»[347]. Даже если в правительстве заседают порядочные и некоррупцированные чиновники, как в правительстве немецкого рейха, имеет место мегаломанское отождествление личности и долга, продиктованное отчасти добрыми намерениями, отчасти большой любовью к общей идее[348]. Почти каждый партийный бюрократ склонен воспринимать любой укол в свой адрес как преступление против всего государства. Отсюда же возникает и солидарность сошше *les doigts de la main*. Каждый из них считает себя олицетворением части государства и уверен, что пострадает, если авторитету другой части будет нанесен вред[349]. Бюрократ твердо убежден, что разбирается в потребностях масс куда лучше, чем сами массы [350]. Это мнение справедливо в отдельных своих проявлениях, но чаще оно представляет собой нечто среднее между безрассудной претенциозностью и манией величия. И тем не менее партийный чиновник подвержен закоснелости значительно меньше, чем государственный служащий, так как первый чаще выступает на публике и благодаря участию в народных собраниях чаще вступает в непосредственный контакт с массами. Вместе с тем привычка к бурным аплодисментам поддерживает огонь его тщеславия.

На высших стадиях развития организационной олигархии власть начинает воспринимать не только устройство партии, но и все ее имущество как свое собственное. В этом партийные олигархические принципы сходны с олигархическими принципами государства, где всеобщее благо постоянно подменяется личным. Руководитель рабочего движения Генуи, добившийся успехов среди организованного пролетариата, наделенный своими товарищами неограниченным доверием, властью и почетом, во время подписания договора о тарифных ставках, как и при решении нескольких других рабочих вопросов, решил, что он вправе присвоить часть дохода себе, а не передавать всю прибыль рабочим[351]. В конфликте между руководителями и рядовыми членами профсоюзов по поводу права объявления забастовки первые настаивали, что это право как морально, так и юридически принадлежит им, так как именно они способны «предоставить необходимые для объявления войны средства»[352]. «Такое чувство, что, – логично замечает некий критик, – несчастные союзные функционеры собираются покрыть все расходы из собственного кармана!»[353] Но

это замковый камень, заключительное следствие олигархической идеологии, которая неизбежно ведет к гибели любой жизнеспособной демократической идеи.

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:51:08

Зверобой обновил 19 января 2026 23:51:31